

А.А. Вовин

Отрок изорника: землешапец и гешодарь в Пскове XIV–XV вв.

Понятие «изорник» мы находим только в Псковской судной грамоте (далее ПСГ) в статьях 32–35, 42–43, 54, 67–69, 78–82¹. В других источниках по Пскову периода самостоятельности это понятие нигде не встречается, хотя Л. М. Марасинова, на наш взгляд, справедливо указала на то, что упоминание «сидения» в некоторых псковских актах должно считаться имплицитным указанием на изорничество². Несмотря на такую узость в использовании понятия, его этимология и смысл представляются довольно прозрачными: еще Ф. Н. Устрялов предложил связать «изорника» с корнем «ор» (ср. «орало», «орудие» или «оружие»)³, восходящим к соответствующему праиндоевропейскому слову, отразившемуся, например, в латинском *ora, ae, f* (граница, земля) и т. п.⁴ Эта непосредственная связь «изорника»

¹ Здесь и далее разбивка ПСГ на статьи дается по Ю. Г. Алексеву: см.: *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная грамота. Текст. Комментарии. Исследование. Псков, 1997. С. 41, 43–45.

² *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты, М., 1966. С. 151–153.

³ *Устрялов Ф. Н.* Исследование Псковской судной грамоты 1467 г. СПб., 1855. С. 166.

⁴ Впрочем, в недавней статье Л. Ю. Астахиной дается обзор самых разных этимологических гипотез происхождения этого слова, кроме того,

с сельским хозяйством, с пашней, не утрачивается и во времена ПСГ, чему свидетельством содержание статей, в которых он упоминается. Практически неизменно с ним соседствуют «огородник» и «кочетник», с которыми «изорник» по сути составляет единую категорию населения, отличаясь от них лишь родом непосредственных занятий. Упомянутые выше статьи регулируют отношения этой социальной группы с их «гдр» ПСГ, который традиционно в историографии реконструируется как «государь», хотя кажется, что чтение «господарь» как минимум не менее вероятно. Впрочем, для темы данной статьи вопрос о том, имелся в виду первый или второй, представляется несущественным. В любом случае очевидно, что речь идет о взаимоотношениях между владельцем земли, с одной стороны, и ее непосредственными пользователями — с другой. На этом, впрочем, все бесспорные сюжеты, связанные с изорником, заканчиваются, но возникают другие, вокруг которых в историографии было уже сломано немало копий. В какой зависимости находился изорник от господаря, каков был размер его оброка, что он должен был уплатить последнему в случае ухода с земли?

Эти вопросы сводимы к проблеме социально-экономического положения изорника Псковской судной грамоты, которая является, пожалуй, одной из наиболее спорных в историографии Пскова периода самостоятельности⁵. Приведенные в последней

приводятся случаи употребления этого слова вне ПСГ, но для решения поставленной ниже проблемы их использовать нельзя. См.: *Астахина Л. Ю.* Еще раз об изорниках // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 3 (73). С. 90–99.

⁵ По поводу характеристики социального «лица» изорника за прошедшие с момента обнаружения ПСГ более чем полутора сотен лет были высказаны самые разные, порой полностью противоположные мнения. Так, И. Е. Энгельману и П. Е. Михайлову (*Энгельман И. Е.* Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной грамоте. СПб., 1855. С. 51–52; *Михайлов П. Е.* Юридическая природа землепользования по Псковской Судной грамоте. СПб., 1914. С. 102–104) он представлялся свободным крестьянином, другим дореволюционным исследователям, таким как Н. П. Павлов-Сильванский и П. И. Беляев, напротив, лично несвободным, почти холопом. Историки советского периода Б. Д. Греков, Б. Б. Кафенгауз, Ю. Г. Алексеев,

сноске взгляды на социально-экономический статус изорника лишь контурно отражают весь спектр историографических представлений о феномене изорничества, в действительности существует немало промежуточных взглядов на это явление. Историография проблемы «изорника» так велика, что нет решительно никакой возможности сколько-нибудь полно отразить ее в настоящей статье, тем более что это уже было сделано Ю. Г. Алексеевым⁶. Однако, несмотря на все разнообразие взглядов, в историографии есть одно объединяющее начало. Даже если изорничество было предметом специального исследования, оно изучалось в общем контексте развития крестьянства в средневековой Руси. То есть, несмотря на разность методологических и идеологических подходов, предыдущие исследователи неизменно рассматривали псковских изорников через ту же оптику, что и крестьян Северо-Восточной Руси, а затем — Московского государства, где в XVI–XVII вв., как известно, произошло их закрепощение. Между тем нет никаких изначальных оснований полагать, что в Пскове до его присоединения к Московскому государству происходили схожие процессы условной «феодализации». Только исследование псковского изорничества *per se* способно дать положительный или отрицательный ответ на этот вопрос. Такая методология изучения псковских реалий уже была предложена автором настоящей статьи применительно к социально-политическому развитию Пскова до 1510 г.⁷, здесь же будет предпринята попытка ответить на вопрос о социально-экономической природе изорничества без учета внешних реалий, только через призму псковских источников.

Л. М. Марасинова и другие видели изорника феодально-зависимым арендатором, чья степень зависимости со временем возрастала (*Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Книга 1. Изд. 2-е. М., 1952. С. 436–463; *Кафенгауз Б. Б.* Псковские «изорники» // Ученые записки МГПИ. Т. 4. Выпуск II. М., 1939. С. 28–48; *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 145–203; *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты. С. 151–153).

⁶ *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная грамота и ее время. С. 145–203.

⁷ *Вовин А. А.* Городская коммуна средневекового Пскова XIV — начала XVI в. СПб., 2019. С. 7–41.

Такой методологический подход обусловлен не только общими теоретическими построениями, но и собственно различиями между положением изорника и «христианина» Московского государства, что видно из приведенного ниже сравнения статей ПСГ и Судебника 1497 г.

Таблица 1

ПСГ и Судебник 1497 г.

ПСГ. Статьи 32–33 ⁸	Судебник 1497 г. Статья 57 ⁹
<p>(32) А которой государь захочет отрод дати своему зорнику или огороднеку или кочетнику, ино отрок быти о Филиппове заговейне, також захочет изорник отречися с села, или огороднику или четник ино тому ж отроку быти.</p> <p>(33) А иному отроку не быти, ни от государя, ни от изорника, ни от котечника, ни от огородника, а запрется изорник или огородник или котечник отрока государева, ино ему правду дати, а государь не доискался четверти, или огородной части, или с ысады рыбно части</p>	<p>О ХРИСТИАНСКОМ ОТКАЗЕ. А Христианом отказатья из волости, ис села в село, один срок в году, за неделю до Юрьева дни осеннего и неделю после Юрьева дни осеннего. Дворы пожилые платят в полех за двор рубль, а в лесех полтина. А которой христианин поживет за ким год, да пойдет прочь, и он платит четверть двора, а два года поживет да поидеть прочь, и он полдвора платит; а три годы поживет, а пойдет прочь, и он платит три четверти двора; а четыре года поживет, и он весь двор платит</p>

На первый взгляд, как уже не раз отмечалось в историографии, между этими статьями наблюдается сходство: устанавливаются ограничения перехода крестьян Филипповым заговением (ПСГ) и Юрьевым днем (Судебник), т. е. временем после окончания сельскохозяйственного сезона, когда переход крестьянина от одного землевладельца к другому наносил первому

⁸ *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная грамота. Текст. Комментарии. Исследование. С. 41.

⁹ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. М., 1985. С. 54–62.

минимальный вред. Однако здесь сходство заканчивается и начинаются различия.

Судебник устанавливает общий запрет на переход крестьян за исключением недели до и недели после Юрьева дня, причем из текста скорее следует (исходя из возвратной формы «отказываться»), что это именно крестьянам («христианом») запрещено быть инициаторами такого перехода. В противоположность этому запрет ПСГ обращен именно на «государя», т. е. норма статьи 32 запрещает, чтобы он давал «отрод» изорнику в иной кроме Филиппова заговения период. Далее статья 33 добавляет «а иному отроку не быти», т. е., вероятно, распространяет запрет и на изорника, кочетника и огородника. Но в любом случае последние выступают в качестве равноправных сторон, которым в равной степени запрещено инициировать переход. Здесь уместно обратить внимание на то, что вообще-то землепашцу также крайне невыгодно, если арендодатель выгонит его до окончания сезона сельскохозяйственных работ. Ведь если это произойдет, например, до сбора урожая, то тот полностью достанется хозяину земли, а крестьянин останется ни с чем. На последнее обстоятельство, кажется, не обращали внимания советские историки, чье внимание было в большей степени приковано к растущей эксплуатации крестьянина феодалом. Таким образом, ключевое отличие ПСГ от Судебника в том, что первая защищает в первую очередь крестьян от произвола хозяина (или всех в равной степени), а Судебник защищает хозяина земли от неожиданного ухода крестьян.

Второе важное отличие заключается в том, что «изорник, кочетник и огородник», с одной стороны, и «государь», с другой, выступают в ПСГ как равноправные стороны, что ясно не только из перечисления их в одной статье («А иному отроку не быти, ни от государя, ни от изорника, ни от кочетника, ни от огородника»), но и потому что первые могут оспорить «отрок» и выйти из этого спора победителями, причем «государь» в таком случае несет материальные потери («не доискался четверти, или огородной части, или с ысады рыбной части»). Причем заметим, возможность оспаривания государем «отрока», инициированного «изорником», в ПСГ не предусмотрена.

Таким образом, несмотря на некоторое внешнее сходство, нормы ПСГ и Судебника резко контрастируют внутренне, что не позволяет объединять псковского изорника и «христианина» Судебника в одну эксплуатируемую «феодалом» социальную категорию.

Рассмотрим теперь нормы ПСГ сами по себе. При уходе с земли изорник должен был уплатить государю два различных платежа. Один из них, «покрута», эксплицитно появляется в ПСГ, ей посвящены статьи 35, 42–43, 69, 78–80. Этот платеж, чья природа также неоднозначна, все же вызвал в историографии меньше споров¹⁰, чем другой, непосредственно связанный с процедурой «отрока» и не называемый при этом прямо. Именно его природа, по-видимому, служит ключом к пониманию феномена изорничества. Этот платеж, упоминаемый в статьях 33 (уже цитированной выше) и 54, но не имеющий собственного названия, вызвал самые жаркие споры среди исследователей, занимавшихся изорничеством. Рассмотрим для удобства эти статьи в сравнении.

Таблица 2

«Четверть» и «половина», уплачиваемые при «отроке»

Статья 33 ¹¹	Статья 54 ¹²
А иному отроку не быти, ни от государя, ни от изорника, ни от котечника, ни от огородника, а запрется изорник или огородник или котечник отрока государева, ино ему правду дати, а государь не доискался четверти, или огородной части, или с ысады рыбно части	А который изорник отречется оу государя села, или государь его отрьет, и государю взять оу него все половину своего изорника, а (и)зорник половину

¹⁰ «Покрута» почти всеми исследователями безоговорочно признавалась некоторой ссудой, выдаваемой изорнику государем, когда первый «садился» на землю последнего, и, соответственно, возвращаемой, когда он ее покидал. Основные споры велись об обязательности такой ссуды для изорника, точном порядке ее возвращения (до или после отрока) и т. д.

¹¹ Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота. Текст. Комментарии. Исследование. С. 41.

¹² Там же. С. 43.

Целый ряд положений в этих двух статьях вызвал оживленную дискуссию. Во-первых, кажется, что статья 33 и статья 54 друг другу могут противоречить (половину или четверть следовало уплатить при «отроке»). Во-первых, предметом спора стало то, от чего изорник должен был выплатить четверть (ст. 33) или половину (ст. 54). Так, долгое время не подвергалось сомнению, что речь идет о четверти (как обычном оброке) урожая текущего года, которая выплачивалась в двойном размере (половина) изорником государю. На таких позициях стояли И. Е. Энгельман и И. Д. Беляев¹³. П. В. Михайлов и Б. Б. Кафенгауз отрицали существование дополнительного платежа при отроке и видели, соответственно, в «половине» обычный оброк изорника, приравнивая того, соответственно, к исполовнику, работавшему за половину урожая¹⁴. Н. П. Павлов-Сильванский и П. А. Аргунов пошли еще дальше. По их мнению, «половина» и «четверть» — это доли не от урожая, а от всего имущества изорника, которое должно было быть поделено между ним и хозяином земли в случае его «отрока» от земли¹⁵. Наконец, есть точка зрения Л. В. Черепнина, поддержанная и развитая Ю. Г. Алексеевым. Она состоит в том, что «половину» и «четверть» следует понимать не в математическом смысле, а просто как части (так же как «часть», уплачиваемую огородником и кочетником) оброка, размер которого не регламентировался напрямую ПСГ, а зависел от договоренностей между изорником и государем. Соответственно, «половина» и «четверть», по мнению Ю. Г. Алексеева, — указание на дополнительный платеж, совершаемый в случае «отрока», выраженный при этом в части

¹³ *Энгельман И. Е.* Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной грамоте. С. 57; *Беляев И. Д.* Крестьяне на Руси. М., 1903. С. 22.

¹⁴ *Михайлов П. Е.* Юридическая природа землепользования по Псковской Судной грамоте. С. 18; *Кафенгауз Б. Б.* Псковские «изорники». С. 29.

¹⁵ *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910. С. 195; *Аргунов П. А.* Крестьянин и землевладелец в эпоху Псковской Судной грамоты. К истории сеньерьяльных отношений на Руси. Саратов, 1925. С. 17–23.

обычного оброка¹⁶. Таким образом, как видно, «четверть» и «половина» понимались в предыдущей историографии в любом случае как дополнительный, обременяющий изорника платеж, совершаемый при «отроке».

Представляется, что такая трактовка этих понятий — не единственно возможная. Обратим внимание прежде всего на статью 54: «и государю взять оу него все половину своего изорника». Что значит «все половину»? Может ли половина быть «не вся»? Ответ на этот вопрос, как представляется, и дает статья 33, согласно которой в случае оспаривания изорником «отрока» со стороны государя и решения спора в пользу первого второй «не доискался четверти», т. е. государь терял половину от половины обычного платежа. Таким образом, если понимать статьи 33 и 54 как связанные между собой и не противоречащие друг другу, вряд ли можно согласиться с Ю. Г. Алексеевым в том, что «половину» и «четверть» в этих статьях стоит понимать в нематематическом смысле, как некие части от обычного оброка, взыскиваемые дополнительно при уходе изорника с земли. Напротив, статьи 33 и 54 очень хорошо между собой согласуются: обычным платежом при таком уходе была «половина», но в случае протеста со стороны изорника — «четверть». Так о «половине» или «четверти» чего шла речь? Все высказанные до сих пор точки зрения исходили из того, что эксплицитно в тексте это не указано, но современникам было понятно (половина урожая, половина имущества изорника, половина от обычного оброка, выплачиваемая дополнительно). Однако можно предложить еще одну гипотезу, по которой получается, что платеж-таки назван эксплицитно в тексте статьи.

Стоит задаться вопросом, а к какому слову здесь относится «своего»? На первый взгляд, кажется, что к «изорнику»; согласимся с тем, что такая трактовка, конечно, возможна, но возможна и другая. «Своего» может относиться не к «изорнику», а к указанию на причитающееся государю, обычный оброк, размер которого, согласимся в этом с Ю. Г. Алексеевым, нормой

¹⁶ Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время. С. 161–162.

ПСГ не устанавливался и только половину от которого платил изорник при уходе с земли. «Половину своего изорника» следует читать в таком случае как «половину своего от/с изорника». Такой пропуск предлога в генетивных конструкциях или вынос вперед вполне характерны для ПСГ. Например, в той же 54-й статье мы читаем: «который изорник отречется оу государя села». Объектом отрока здесь выступает не «государь села», а «село», т. е. эту фразу нужно понимать как «который изорник отречется оу государя от села» или как «который изорник отречется от села государя». Точно так же рассматриваемую норму 54-й статьи следует читать как «государю взять оу него все половину своего **от** изорника, а изорник половину» либо как «государю взять **оу него изорника** все половину своего, а изорник половину». Подтверждением такой гипотезы служит схожее использование притяжательного местоимения «свое» в значении «причитающееся», «имущество» в других статьях ПСГ:

Ст. 13. «А о зблюдении, кому... в пожару или по грехом на кого род ополчится, а оу того времени што кому даст на зблюдение, а имет просить **своего**, и тот человек запрется, у него взем, ино кому искат, явити ему»¹⁷.

Ст. 36. «А которой человек оу человека знает **свое** што изгибшее, а тому молвит то слово: купил есми на торгу, а тогож есми не знаю, у кого купил, ино ему правда дать на том, что чисто будет на торгу купил, а с татем не поделился, а не поставит его, а сам не оукрал, ни пословицы не было будеть, ино тот не доискался»¹⁸.

В приведенных выше примерах, очевидно, местоимение «свое» обозначает имущество, т. е. приведенная выше трактовка статьи 54 не противоречит словоупотреблению ПСГ. Таким образом, получается, что в год отрока изорник платил государю не весь причитающийся оброк, а лишь половину, а в случае если уход был инициирован государем, а изорник был с ним не согласен, то размер оброка мог уменьшиться до четверти. Разумеется, это был не единственный платеж — изорник должен был

¹⁷ Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота. Текст. Комментарии. Исследование. С. 38.

¹⁸ Там же. С. 41.

уплатить и покругу, но и здесь ПСГ в некоторых случаях становится на сторону изорника: так, согласно статьям 41–42, если изорник отрицает получение покругу от государя, то последний должен предоставить пять свидетелей, если же он не может этого сделать, то изорник покругу не платит¹⁹. Даже в случае бегства изорника (т. е. несанкционированного ухода с земли, вероятно, не в срок и без уплаты оброка и покругу) государь не мог самовольно распоряжаться его имуществом, для реализации которого предполагалась специальная процедура с участием приставов от господы, т. е. сместного суда князя и посадника, а также губных старост²⁰. Вообще, само количество статей ПСГ, регулирующих отношения государя и изорника, — косвенный показатель не только их важности для законодателя, но и того, что эти отношения не отдавались «на откуп» самому государю, который, обладая большими ресурсами, чем изорник, мог бы, вероятно, творить в отношении последнего произвол. Статьи 32–33 и 54 (как и большинство других статей, посвященных изорнику) скорее, наоборот, защищают изорника от произвола арендодателя, ставят их в положение двух равноправных юридических субъектов, причем освобождают земледельца от излишних платежей в пользу арендодателя.

Если так, то социально-экономические отношения в псковском селе предстают в совершенно другом свете. Нормы ПСГ никак не указывают на начавшееся закрепощение крестьян феодалами, да и вообще никакой феодализации не просматривается. Собственно, резонен и вопрос, откуда она могла бы взяться в Псковской земле, где, в отличие от Московского государства, в котором практика раздачи поместий служилым людям была частью великокняжеской политики, другими были основы политического устройства. Служба с земли хотя, вероятно, и существовала в Пскове во второй половине XV в., но имела, очевидно, совершенно иной по сравнению с Москвой характер. «Порубание» конного война с определенного количества сох земли упоминается в Псковском летописании дважды, но не как

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 44.

постоянно применяемая практика, а как ситуативное, принятое в условиях войны решение, а само «порубание» вызывало порой жаркие споры на вече²¹.

Изорник — безземельный крестьянин, защищаемый законом от произвола хозяина земли. Причины такой защиты понятны — от эффективности его труда зависело наполнение зерном «кромских клетей», если бы каждый мелкий или средний землевладелец (а крупного землевладения в Пскове периода самостоятельности не сложилось)²² мог беспрепятственно эксплуатировать изорников, сидящих на его земле, то была высока вероятность их бегства «за рубеж», что нанесло бы урон господину Великому Пскову. С другой стороны, отсутствие крупного землевладения, наличие свободных крестьян собственников земли (с которыми обычно ассоциируют «сябров») мало способствовали лоббированию интересов землевладельцев в ущерб интересам землепашцев. Таким образом, псковский изорник — уникальная для своего времени фигура, коренным образом отличающаяся от крестьян Северо-Восточной Руси, где постепенно шел процесс закрепощения, закон защищал интересы, прежде всего, элит, а эволюция поземельных отношений пошла иным путем.

²¹ *Вовин А.А.* Городская коммуна средневекового Пскова... С. 153–154, 321–325.

²² Там же. С. 136–205.

Литература

Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время. Л., 1980.
Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота. Текст. Комментарии. Исследование. Псков, 1997.

Аргунов П. А. Крестьянин и землевладелец в эпоху Псковской Судной грамоты. К истории сеньерьяльных отношений на Руси. Саратов, 1925.

Астахина Л. Ю. Еще раз об изорниках // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 3 (73). С. 90–99.

Беляев И. Д. Крестьяне на Руси. М., 1903.

Вовин А. А. Городская коммуна средневекового Пскова XIV – начала XVI в. СПб., 2019.

Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Книга 1. Изд. 2-е. М., 1952.

Кафенгауз Б. Б. Псковские «изорники» // Ученые записки МГПИ. Т. 4. Выпуск II. М., 1939. С. 28–48.

Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты. М., 1966.

Михайлов П. Е. Юридическая природа землепользования по Псковской Судной грамоте. СПб., 1914.

Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910.

Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. М., 1985.

Устрялов Ф. Н. Исследование Псковской судной грамоты 1467 г. СПб., 1855.

Энгельман И. Е. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной грамоте. СПб., 1855.

References

- Alekseev Yu. G.* Pskovskaya Sudnaya gramota i ee vremya, L., 1980.
- Alekseev Yu. G.* Pskovskaya Sudnaya gramota. Tekst. Kommentarii. Issledovanie. Pskov, 1997.
- Argunov P. A.* Krest'yanin i zemlevladelets v ehpokhu Pskovskoj Sudnoj gramoty. K istorii sen'er'yal'nykh otnoshenij na Rusi. Saratov, 1925
- Astakhina L. Yu.* Eshche raz ob izornikakh // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2018. No. 3 (73). P. 90–99.
- Belyaev I. D.* Krest'yane na Rusi. M., 1903.
- Engel'man I. E.* Sistematicheskoe izlozhenie grazhdanskikh zakonov, sodержashchikhsya v Pskovskoi Sudnoi gramote. SPb., 1855.
- Grekov B. D.* Krest'yane na Rusi s drevneishikh vremen do XVII veka. Kniga 1. Izd. 2-e, M., 1952.
- Kafengauz B. B.* Pskovskie «izorniki» // Uchenye zapiski MGPI. Vol. 4. Issue I. M., 1939. P. 28–48.
- Marasinoва L. M.* Novye pskovskie gramoty. M., 1966.
- Mikhajlov P. E.* Yuridicheskaya priroda zemlepol'zovaniya po Pskovskoj Sudnoi gramote. SPb., 1914.
- Pavlov-Sil'vanskii N. P.* Feodalizm v udel'noj Rusi. SPb., 1910. Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. Tom 2. M., 1985.
- Ustryalov F. N.* Issledovanie Pskovskoi sudnoi gramoty 1467 g. SPb., 1855.
- Vovin A. A.* Gorodskaya kommuna srednevekovogo Pskova XIV – nachala XVI v. SPb., 2019.